

ОБРАЗЫ ЮЖНОУРАЛЬСКИХ ГОРОДОВ В МАТЕРИАЛАХ «ОРЕНБУРГСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» 1840–50-х гг.¹

Рассматриваются материалы, опубликованные в «Оренбургских губернских ведомостях» периода редакторства И. П. Сосфенова (1845–1853), содержащие описания уездных городов Оренбургской губернии и рассказывающие о происходящих в них событиях. Выделяются основные стратегии подобных описаний, анализируются позиции респондентов, соответствие текстов рекомендованной редакцией программе описания; высказывается гипотеза о причинах парного сопоставления городов Оренбургской губернии (Белебей – Стерлитамак, Уфа – Оренбург, Бирск – Бузулук, Троицк – Челябинск). На основании разножанровых газетных материалов предпринимается попытка реконструкции формирующихся образов городов в первое десятилетие существования газеты.

Ключевые слова: Южный Урал, «Оренбургские губернские ведомости», локальная идентичность, Оренбург, Уфа, Бирск, Бузулук, Троицк, Челябинск, Стерлитамак, Белебей, И. Сосфенов, П. Павловский, К. Ивлентьев, В. Юматов, М. Житков, М. Ястребов.

N. Gramatchikova

THE IMAGES OF THE SOUTH URAL TOWNS IN THE CONTENT OF “ORENBURGSKIE VEDOMOSTI” NEWSPAPER, YEARS 1840–1850

This article includes the content, published in “Orenburgskie gubernskie vedomosti” newspaper during the editorship of I. P. Sosfenov (1845–1853). It contains the descriptions of Orenburg county towns and it talks about events there. Also, it shows the key strategies of such descriptions, there are

¹ Исследование выполнено в рамках реализации конкурсного проекта РГНФ «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX – первой трети XX в.» № 16-04-00118/16.

analyzes of the attitudes of respondents and of matching of the texts and the description program recommended by editors. The author remarks the idea of pair comparison of Orenburg county towns (Belebei – Sterlitamak, Ufa – Orenburg, Birsik – Buzuluk, Troitsk – Chelyabinsk). Also there is a try to reconstruct the images of the towns during the first decade of newspaper existence according to its various articles.

Key words: South Ural, “Orenburgskie gubernskie vedomosti” newspaper, local identity, Orenburg, Ufa, Birsik, Buzuluk, Troitsk, Chelyabinsk, Sterlitamak, Belebei, I. P. Sosfenov, P. Pavlovsky, K. Iventyev, V. Yumatov, M. Zhitkov, M. Yastrebov.

В середине XIX в. «Оренбургские губернские ведомости» (ОГВ)² были единственным регулярным периодическим изданием Южного Урала. По замыслу администрации края, через газету должна была осуществляться связь между органами власти и населением, однако неофициальная часть «Ведомостей» определяла свои задачи намного шире: ОГВ откликались на ежедневные нужды читателей и одновременно воспитывали свою читательскую аудиторию. Несмотря на отсутствие необходимого количества профессиональных литераторов в провинции, на страницах газеты происходило становление не только жанровой системы периодической печати и формирование некоторого круга более или менее постоянных корреспондентов, но и рождался сам язык описания губернии. Если официальный имперский дискурс транслировался столичными газетами, то способы описания разнообразных ландшафтов и населенных пунктов Оренбуржья (станций, крепостей, городов, аулов и деревень) – на тот момент самой большой по площади российской губернии – вырабатывались в первую очередь на страницах газет провинциальных. Этот процесс шел с разной интенсивностью в разные периоды выпуска «Оренбургских губернских ведомостей».

С июля 1845 по 1853 гг., пока редактором неофициальной части ОГВ был И. П. Сосфенов [подробнее см.: Иван Сосфенов], на страницах этой еженедельной газеты, издававшейся в Уфе, складывается несколько тематических блоков, определенным образом структурированных и наполнен-

² Издаются с 1838 года, здесь и далее сокращение ОГВ используется для обозначения неофициальной части «Оренбургских губернских ведомостей».

ных материалами весьма пестрого авторства, к тому же далеко не всегда установимого ввиду отсутствия подписей. Регулярно заполняются разделы «Этнография», «Местные известия», «Статистические обзоры», «Народное здравие», «Смесь» и др. К материалам подобных разделов, выделяемых более тематически, нежели формально, относятся описания больших и малых городов Оренбургской губернии, иницилируемые редакцией, которой был разработан план описания города, насчитывающий 15 пунктов. Это именование города и начало его основания; герб, географическое положение и климатические условия, обеспеченность водными, лесными и другими ресурсами, занимаемая площадь, сведения об общественных учреждениях, архитектурные достопримечательности (церкви, магазины, училища, каменные здания); население (численность, вера, образ жизни, характер и образованность), стоимость проживания (цены на продовольственные товары), уровень развития торговли и промышленности, «древности» и замечательные события³. Часть городов Оренбургской губернии описаны в соответствии с этим планом, однако полной унификации не происходит, и формирование образов городов идет в мультижанровом пространстве: это краеведческие историко-географические описания (Бирск, Бугульма, Белебей), заметки-репортажи (Оренбург, Троицк), фрагменты травелогов (Стерлитамак, Белебей, Уфа, Челябинск и Троицк). Авторы, пишущие о городах, где живут или где были проездом, по уровню мастерства очень разные: от безусловно одаренных литераторов и знатоков своего края (В. Зефирова, К. Ивлентьев, П. Павловский), путешествующих по служебной надобности (И. Сосфенов, М. Ястребов) до оставшихся неизвестными создателей единственных текстов, из которых складывается мозаичное панно репрезентации города на страницах ОГВ. Цель данного исследования – анализ выбранного авторами языка и образности в описании городов Оренбургской губернии: как в данных условиях трансформируется рекомендованная редакцией «схема описания» города; как складываются в динамическую систему оппозиций образы городов Оренбургской губернии; какие жанры оказываются наиболее востребованными и эффективными при создании образов южноуральских городов.

³ Всего подобных текстов, содержащих описания городов и написанных в период редакторства И. П. Сосфенова, около двух десятков.

Первым по хронологии⁴ полноценным описанием города становится очерк о Бирске «Взгляд на уездный город Бирск» [С., 1846], автором которого, очевидно, был сам редактор И. П. Сосфенов. Из текста очерка ясно, насколько сложно путешественнику выстроить нарратив о провинциальном городе, ординарном, лишенном яркой индивидуальности. В силу этого универсальный принцип сопоставления «своего» и «чужого» оправдывает себя и здесь: большинство описаний городов Оренбургской губернии оказываются вписаны в разного рода оппозиции, явные или скрытые. Так, например, образуются устойчивые пары: Троицк – Челябинс⁵, Оренбург – Уфа, Стерлитамак – Белебей. На образование подобных пар, в первую очередь, влияют территориальная близость (Троицк – Челябинск) либо отношения соперничества (Оренбург – Уфа). В этом смысле травелог – наиболее адекватный жанр для формирования образа города, где подвижная точка зрения проезжающего (чаще чиновника «по казенной надобности») задает набор критериев, в который включены этническая и конфессиональные составляющие, важные для мультикультурного пространства Южного Урала.

Белебей – Стерлитамак

Города, как и люди, имеют способность нравиться либо вызывать антипатию. Контексты упоминаний городов от номера к номеру создают городам вполне определенную «репутацию», складывающуюся из эмоционально окрашенных фрагментов общей описательной схемы. Так, например, Стерлитамак – один из фаворитов корреспондентов ОГВ. Уже первое его описание, выполненное Ан. (sic!) Максимовым [Максимов], демонстрирует расположенность к нему автора. Ясная цель основания города (необходимость соляной пристани), развитые промыслы (юфть в Кожевенной слободе), живописный деревянный тюремный замок, конские ярмарки, вкусная вода в реке Ашкадар – все

⁴ Т. е. за годы редакторства И. П. Сосфенова, составившие целую эпоху в развитии ОГВ. Однако отметим, что еще до его прихода на эту должность в ОГВ уже несколько раз были опубликованы тексты о городах и заставах: о Сергиевских минеральных водах (1843, № 17, 18; 1844, № 10, 11), об Илецких соляных коях (1843, № 29, 30, 32–35); об Оренбурге (1844, № 40–42). Впервые эти тексты выделяет П. Н. Столпянский [Столпянский, с. 12].

⁵ Челябинская крепость была заложена в 1736 г., унаследовала название от башкирского урочища (Челеби/Селяба). С 1804 г. Челябинск – уездный город Оренбургской губернии, однако в большинстве публикаций описываемого периода он именуется «по старой памяти» Челябиной, что сохраняет память о тюркском субстрате.

по душе Максимову, наравне с нравами жителей. Обаяние Стерлитамака и его вписанность в природный ландшафт подтвердит чуть позже очерк «Шихан»⁶: «Это довольно чистенький и довольно красивенький городок, хотя эти достоинства и много терпят от летних дождей, образующих моря и озера, реки и ручьи, во всех направлениях прорезывающие город». Археологи и историки «не найдут здесь богатой жатвы», однако «взамен этого патриархальный Стерлитамак очень и очень замечателен редким гостеприимством своих обита[те]лей, радушие которых, конечно, оставит на душе каждого гостя самые отрадные воспоминания» [З...фь, с. 187].

Стерлитамак включен в отчет об инспекционной поездке И. П. Сосфенова, редактора ОГВ и зрителя Уфимского уездного училища. Летняя дорога от Уфы к Стерлитамаку видится ему живописной, где «по обеим сторонам расположены разросшиеся березовые аллеи; самая же дорога усыпана крупным с галькой песком» [Сосфенов, с. 469]. Во впечатлениях от города эстетика («приятность») соединена с прагматикой (прочность моста с красивой отделкой): «Должно сказать, что этот уездный город весьма чистенький, распланированный прекрасно, дома имеет правильной архитектуры. Осматривая его, с приятностию останавливается взор на некоторых из его зданий. Мост, построенный чрез реку Стерлю гражданским инженером г. Каминским, очень красив в отделке, конечно, прочен» [Там же, с. 470]. Немаловажным для педагога-инспектора Сосфенова было и то, что забота о начальном образовании своих детей со стороны местных купцов и мещан оказалась здесь выше средней по губернии, почти на уровне Оренбурга.

Далее служебная необходимость ведет Сосфенова в Белебей, восприятие которого – яркий пример преобладания эмоций над объективностью культурно-географического описания. Знакомство с Белебеем разочаровывает, не оправдывая тягот на пути к нему: «Не бывавши никогда в нем, я с жадностию смотрел на нового знакомого, но чем ближе к нему приближался, тем более очарование мое терялось. Любопытный взор ничего не находил для себя замечательного в целом городе, так все разбросано, так все разъединено» [Там же, с. 472]. Отсутствие гармонии, цельности, невнятность архитектурного замысла этого города подталкивают автора к эмоциональным эпитетам и глаголам: «Построение Юдинское, дом присутственных мест, самое жалкое разрушающе-

⁶Предположительно автор заметки – В. Зефилов, активный сотрудник ОГВ [З...ь].

еся здание», которое должно бы «красоваться на довольно обширной городской площади», но вместо этого «лишь позорит и пятнает правдиво своего строителя, и какую-то невольную грусть наводит на осматривающего его» [Там же]. Эстетическая бедность городского облика оборачивается практическими проблемами: «Чиновник, призванный в первый раз на службу в этом городе, весьма затруднится в приискании себе сколько-нибудь удобной квартиры» [Там же].

Причину незавидной судьбы Белебея Сосфенов связывает с историей его основания, актуализируя тему влияния полиэтничного населения на образ города – одну из сквозных в периодике Южного Урала. Для Сосфенова полиэтничность Белебея, скорее, осложнение его участи, нежели востребованный ресурс территории: «Белебей – самый бедный город красивыми зданиями. Будто рука первых поселенцев этого места – Чуваши⁷ – доселе тяготеет над ним» [Там же]. Впрочем, там, где дело касается сферы ответственности самого И. П. Сосфенова, проверяющего состояние Приходского училища государственного имущества, он предлагает ряд практических шагов, необходимых в сложных условиях разноязычного состава учащихся. Для Сосфенова соседство учащихся разных национальностей – источник проблем: «Тут найдете Русского с Мордвином и Чувашенина с Татаринном. Вся эта смесь языков, не совсем еще понимающих один другого, не представляет, в настоящее время, никаких выгодных результатов» [Там же]. Однако в необходимости обучения «иностранцев» он не только не сомневается, но и предлагает «для учащихся же мальчиков магометанского вероисповедания... приглашать муллу, для толкования им изустно алкорана, чтобы более приохотить их к Русским училищам» [Там же].

К изначально заявленному схематическому описанию Белебея «в статистическом виде» Сосфенов переходит, лишь изложив первое эмоциональное впечатление от города, которое не преодолевается последующим перечислением ряда позитивных подробностей: красивый герб города, стойкость перед лицом эпидемий, дешевизна жизни для населения, среди которого 75 % православных. Все эти детали оказываются не в силах переломить общую тенденцию восприятия, заданную вступлением. Город остается непроницаем не только для холеры, «не смевшей коснуться его», но и в целом для внешнего влияния, в том числе торгового:

⁷ Здесь и далее, приводя цитаты из текстов ОГВ, мы сохраняем орфографические особенности написания этнонимов и образованных от них прилагательных.

«Торговля в городе ничтожна, хотя и есть в продаже бумажные и другие мелочные товары, но они весьма низкой доброты и приобретаются низшим классом и по крайней необходимости» [Там же]. Замкнутость и обособленность Белебея, тормозящие его развитие, по мнению Сосфенова, обусловлены его удаленностью от торговых путей и судоходных рек, которое выбрали «первые поселенцы». Очевидно, что «рукой чуваш-основателей», как именует их Сосфенов, вытягивающей исторический жребий Белебея, руководили иные принципы, нежели принципы современной динамичной эпохи.

Таким образом, инокультурное прошлое города выступает здесь как источник проблем в настоящем, будь то низкая деловая активность населения или его мультиэтничный состав. «Внешний взгляд» инспектирующего путешественника И. П. Сосфенова оказывается взглядом заинтересованным, пристрастным, однако по большей части обусловленным стереотипами восприятия.

Троицк – Челябин

Троицк и Челябинск надежно соединены Троицким трактом, между ними всего 100 верст пути – тем разительнее отличия городов. Значение Троицка как города пограничного и торгового достаточно велико, его развернутые описания появляются раньше, нежели описания Челябинска. Так, уже в заметках городского врача Янушкевича проявляет себя поэтика контрастов, характерная для образа Троицка и в дальнейшем: зной летом – бураны зимой, пограничное положение, отсутствие «смягчающих» ландшафт садов и лесов. Все это формирует своеобразие города-крепости. Красоты Троицка неочевидны для уральцев XIX в.: «Заслуживающих же особенного внимания зданий вовсе нет» [Там же, с. 174]. Несмотря на то, что респонденты – авторы описаний Янушкевич и М. Ястребов – находятся, безусловно, внутри городского пространства, принять его как интересное и родное они не готовы, транслируя некий «общерусский» взгляд на город-крепость. «Своим» Троицк станет для М. Житкова, чьи корреспонденции из Троицка регулярно поступают в редакцию ОГВ в 1850–1851 гг.⁸. Житков много путешествует, и Троицк, где он прожил «почти год безвылазно» [Житков, 1851, № 39, с. 174], часто

⁸ Несколько примеров корреспонденций М. Житкова можно найти в 1850 г. (№ 43, 47), в 1851 (№ 26, 28). «Быль» под названием «Выгодная покупка и продажа» представляет живой очерк ярмарочной и книжной культуры Троицка середины XIX в. [Житков, 1851, № 13].

становится отправной точкой его травелогов, насыщаясь таким образом колоритом «домашнего», обжитого, по контрасту с «дикой степью».

Главным событием Троицка, приносящим «значительные выгоды» горожанам, признается период с июня по октябрь: «время прихода Азиатских караванов и торговли на меновом дворе, который построен вне черты города за рекою Уем, разделяясь на три части, Русскую, Бухарскую и Киргизскую» [Янушкевич, с. 174]. Тысячи верблюдов (корреспонденты дают сведения о караванах в 4 500 верблюдов и более), десятки тысяч овец, наводняющих город, бойкая торговля хлопком, шелком, чаем, сухофруктами, орехами придают Троицку экзотический колорит.

Троицк осознается местными респондентами как город не вполне русский⁹, помнящий свое военное прошлое. Сопоставление долей иноэтнического населения в Белебее и в Троицке показывает, что четверть неправославного населения (в Белебее) заставляет авторов ОГВ искать в этой пропорции объяснение своеобразия города, а треть магометан суннитского толка (в Троицке) уже создают постоянный иноязычный фон. Активность торговли в Троицке характеризуется Янушкевичем именно через аудиальное восприятие: «В Троицке Киргизские бараны доставляют выгоды всем сословиям; не чуждается ими как медик с гражданским чиновником, так и духовная особа. Слово баран там изменяется непрестанно во всех прямых и косвенных падежах» [Там же]. Этническая пестрота населения Троицка нередко раздражает Янушкевича: «...и как эти жители состоят из Русских и Азиатцев, то и характер их и нравы неединообразны. Телосложение их вообще от природы довольно крепкое, рост более средний, выражение лица по большей части неприятное. Образование жителей Троицка стоит еще на низкой ступени» [Там же].

Однако, отмечая сложности общения с «азиатцами»¹⁰, авторы ОГВ признают пассионарный вклад азиатских подданных России в развитие экономики государства. Например, в очерке М. Ястребова «Об открытии нового торгового пути для сношений с Китаем» «троицкие татары» представлены как основной двигатель среднеазиат-

⁹ Например, М. Ястребов характеризует услышанную им в Троицке «Сказку о счастье» как оригинальную «восточную фантазию» [Ястребов, 1850, № 48].

¹⁰ «Тот, кто знает, с каким трудом, с какими усилиями получают всякие сведения, особенно от азиатских народов и на сколько они имеют правды, тот поймет меня...» [Ястребов, 1850, № 45, с. 229].

ской торговли [Ястребов, 1850, № 45, с. 225]. Их сильными сторонами на мировой торговой арене оказываются те же качества, которые воспринимаются как осложняющие внутригородскую коммуникацию: «непрямой характер», упрямство, иная логика. Татары у Ястребова, которые «тихо, мирно пробирались чрез безжизненные, безотрадные и опасные Киргиз-Кайсацкия степи», противопоставляются прямолинейным англичанам, которые «силою оружия вносили произведения своих мануфактур с восточной границы поднебесной Империи» [Там же]. Предоставленный в редакцию М. Ястребовым дневник троицкого татарского купца живописует все сложности и опасности пути до китайского торгового центра Чугучака продолжительностью более месяца, когда жизнь и товар спасают в равной степени физическая выносливость, дипломатические способности и вера в удачу, а итогом становится проложенный торговый путь: «Расстояние от Троицка до Чугучака, по проложенному мною пути в опасное кинисаринское время чрез Киргиз-Кайсацкие степи, полагаю в 1900 верст» [Ястребов, 1850, № 45, с. 229].

М. Н. Ястребов, регулярный корреспондент ОГВ, учитель истории и географии Троицкого, а затем Челябинского уездных училищ [подробнее о нем см.: Боже], публикует в 1850 г. описание своего путешествия от Троицка до Челябинска в эпистолярном жанре, объединяя и одновременно противопоставляя эти два города. Образ пути дается Ястребовым в основном через *минус-прием*, иногда в ироническом обрамлении: степь скучна, нет ни леса, ни гор – «Безжизненность страшная!». Русская тройка «здесь не имеет ни сколько поэзии», «кони бегут во всю мочь – чуть-чуть не шагом». Ямщик – не желанный собеседник, но «татарин, усевшись на облучке тарантаса, или качалки, молча разве поведет рукавицей», «а заунывный звон колокольцев, наискось торчавших под дугой, еще более докучает однообразной своей мелодией» [Ястребов, 1850, № 44, с. 223]. Ни путникам, ни лошадям дорога не предоставляет никаких удобств: нет ни деревень с гостеприимными барскими хоромами, ни травы в покотинах: «Можно вообразить, как должен быть сытен этот скот, заключенный на полгода в подобную тесную раму; таким гладким, ровным кажется это пастбище, что в состоянии спорить с паркетом; не говорю уже о траве – кажется корни-то ея все повыедены» [Там же, с. 224]. Озера с поэтичным названием Синеглазовские напоминают ему «Понтийские болота своей гнилью, далеко чувствуемой» [Там же].

Таким образом, все, чего ожидает путешественник, на Южном Урале либо отсутствует (леса, горы, гостеприимные усадьбы, поэзия русской тройки), либо присутствует в сниженном, искаженном виде (кони, плетущиеся шагом; голодный скот на обочинах, гнилостный запах заболоченных озер; на облучке – либо молчаливый татарин, либо «неговорливый русский чичероне» – казак). В этом фрагменте пласт «общерусских ожиданий» выполняет функцию отстранения, с помощью которого только и возможно описать южноуральскую специфику, адресуя текст абстрактному читателю – «жителю Средней полосы России» (сам М. Н. Ястребов находился на Южном Урале по долгу службы). Иронически-отстраненная подача материала контрастирует с эмоциональной включенностью автора в описываемую действительность (выбранный Ястребовым эпистолярный жанр эту включенность поддерживает), в силу чего эмоции автора письма находят не прямое выражение.

Въезд в Челябинск оформляется кратким диалогом с ямщиком-казакон, нарушающим монотонность аудиовпечатлений ездока: «– А что это за город? – спросил я у ямщика-казака. / – Силяба-то... / – Ну, да знаю!.. какова она? / – Город, Ваше Благодорие! / – Опять знаю, братец, да хорош ли? / – Баской город. / – Ну, а река-то есть? / – Нешто... бедовая... / Не спрашивайте больше: из головы неговорливого русского чичероне ничего другого не выжмете...» [Там же]. Диалог с ямщиком оживляет текст ироническим сопоставлением правильной «городской» речи седока и диалектной, с неполными конструциями, – ямщика. В результате прямой смысл ответов комически снижается, обнаруживая местечковость, провинциальный колорит и национальную специфику. Происходит парадоксальное – Челябинск подобен «уездным великороссийским городам»: «Те же серенькие одноэтажные домики в 5–9 окон, те же бесконечные заборы, то же свеженькое личико дульцинеи, высматривающей порой из-за гардины, та же тишина могильная» [Там же]. Однако то, что приелось близ столиц, вдали от них воспринимается почти ностальгически. Здесь впервые минус-прием начинает работать на создание позитивного образа: автор не слышит ни напева муэдзина, ни азиатской речи. Столь выдающийся момент отмечен стихотворными строками: «Безлюдье, тишь на улицах Челябы; / Катится вдаль Миас; / Здесь не творят поклонники Каабы, / Обычный свой намаз. / Здесь Русь живет – здесь пахнет Русью [Там же].

Итак, «Русь» определяется, прежде всего, соответствующим аудио-фоном, когда тишь («тишина могильная») и безлюдье становятся не столько признаками провинциальности, сколько вожделенным освождением из пребывания в напряженном состоянии инокультурного окружения. Для справедливой оценки уральских уездных городков («подальше минеральных Сергиевских вод»), по мнению Ястребова, нужно задать особую шкалу сравнения, тогда бы «Челяба с виду далеко-далеко не последним городом показалась бы пред другими» [Там же]. Фактически на страницах ОГВ создается новый контекст Челябины как «русского города», главным достоинством которого в газетных описаниях станет гостеприимство и атмосфера общественного согласия: «Вряд ли в здешней губернии найдется другой город, где было бы больше единодушия, или согласия между членами общества, где бы чаще запросто, без всяких споров, как и должно быть в уездных городах, сходились и делили они между собою досуги; это одно стоит многого» [Там же].

Характерно, что в материалах ОГВ образ Челябинска впоследствии формируется через «портреты» горожан, снискавших авторитет и любовь жителей¹¹, и статистические данные о благополучии жизни населения, поскольку в те времена именно Челябинский уезд выполнял функцию «житницы края» и выделялся «цветущим земледелием» среди других уездов губернии. Представление о сердечной теплоте, свойственной челябинцам, поддерживают и два очерка нравов челябинских крестьян [см.: Краткий очерк...; Обзор...], в которых отмечается их патриархальная щедрость по отношению к гостям (обычай «честного» [Суталак-Бельский]), вследствие чего Челябинский уезд получил прозвание «золотое дно». Вопреки устоявшемуся стереотипу «отдаленный Челябинский край», который «издавна служил и служит сплавом анекдотов, острот насчет патриархальной простоты своей», утверждает собственную идентичность, базируясь на ценностях «похвальной старины», где «все свежее, неподдельное, все попросту», «с хлебом – с солью для всякого доброго человека» [Л. И., с. 551].

¹¹Так, например, в заметке «Челяба» 1846 г. (подписано Л. И.) речь идет о Командире 8-го казачьего полка полковнике П. Б. Берге и докторе В. Г. Жуковском, бывших для челябинцев «строгими и справедливыми отцами». Здесь в очерковую стилистику ожидаемо проникает поэтика сентиментализма: «С сердечным умилением надобно было видеть, когда прощался любезный Полковник у себя в квартире с офицерами, с дружеством он обнимал каждого из них, целовал, благодарил, плакал как дитя, – те же отвечали ему горячими слезами благодарности; а язык их был в то время нем от избытка чувств» [Л. И., с. 552].

Итак, путешествующие авторы ОГВ склонны сравнивать города попарно, в качестве основных критериев выдвигая эстетическо-прагматический и культурно-конфессиональный. Экономическая и историческая составляющая населенного пункта значительно уступает банальному бытовому комфорту. Декларируемое стремление к объективности изложения отходит на второй план под действием эмоций и не всегда осознаваемого напряжения и раздражения, вызванных жизнью в инокультурном окружении. Авторам-респондентам представляется справедливейшей мысль об иных основаниях оценки городов Южного Урала, ибо то, что навевает скуку в центральных регионах империи, здесь кажется недостижимой роскошью.

Города, которые будут рассмотрены ниже, сопоставляются и образуют условные «пары» уже не в путевых заметках, а выделены на основании метатекстуальных признаков.

Оренбург – Уфа

Столица губернии Оренбург и Уфа, где располагалась редакция «ОГВ», находились в отношениях скрытого соперничества.

В описаниях обоих городов выделяется сквозная тема природы. Один из связанных с ней мотивов, оформляющих повествование об Оренбурге, – преобразование ландшафта человеком, «смягчение» контрастного степного климата, которому присущи суровые зимы с буранами, дружная весна с сильными утренними заморозками, сухость воздуха: «Неутомимое старание человека преодолевает большие препятствия. Примером этому может служить небольшой садик одного частного лица в самом Оренбурге: здесь, после многих тщетных усилий, яблоки зреют на свободном воздухе, а Испанская вишня, которая и в Саратове растет только в грунту, свободно перезимовала» [С., 1846, № 36, с. 429]. Плодовые сады в степях остаются признаком зажиточности и очень редки.

Своеобразный геокультурный ландшафт Оренбурга формируется также особым национальным колоритом как архитектуры города, так и праздников, в нем проводимых, – этнический состав населения особенно проявляется в этих сферах. Так, например, ведущими темами репортажей П. Павловского (зачастую оформленных в виде эпистолярный) становятся описания архитектурных объектов (Караван-Сарайской мечети и др.), «полуазиатского парада», конских скачек. При этом Павловский склонен к расширению контекста, в котором нахо-

дится то или иное описываемое им конкретное событие, так что в его заметках поднимаются социально-значимые темы, служащие консолидации городского сообщества. К примеру, его репортаж об освящении Оренбургской кладбищенской церкви содержит подробное описание храма, объяснение причин, подвигнувших родителей, которые потеряли семнадцатилетнего сына, на строительство церкви, вербализацию настоятельной общественной потребности иметь церковь там, где «жители его (города Оренбурга. – Н. Г.) переходят на вечное успокоение, унося с собой покой и счастье живых, где повседневно столько теплых молитв и горячих слез изливается к престолу Всевышнего» [Павловский, 1847, с. 270], завершаясь пожеланием, «чтобы жители с своей стороны общими силами соорудили вокруг кладбища каменную ограду», ибо для реализации общего желания недостает лишь деятеля [Там же, с. 271].

Естественный элемент *театральности* публичных ритуалов, нашедший проявление в репортаже Павловского об освящении церкви во имя Смоленской Божией Матери, достигает своего апогея в описании праздничного дня 30 августа 1846 г. по случаю тезоименитства цесаревича, когда в присутствии всего высшего начальства края (оренбургского военного губернатора В. А. Обручева, высокостепенного оренбургского муфтия Тархана Сулейманова, командира Оренбургского отдельного корпуса и др.) «собралось на площади, кроме многочисленных зрителей христиан, множество мусульман различных племен, живущих по ту и другую сторону нашего славного Урала, в лучших своих костюмах. <...> Интересно было видеть всю эту пестроту лиц и нарядов, сгруппированных на небольшом пространстве. Здесь, кроме европейцев, были бухарцы, бухарские евреи, хивинцы, туркмены, киргиз-кайсаки с их султанами-правителями, башкирцы и мещеряки с своими кантонными и старшинами. Картина была самая занимательная по разнообразию своих предметов!» [Павловский, 1846, с. 467]. Этническое разнообразие населяющих губернию народов было представлено здесь во всем великолепии и полноте имперского этикета: в праздничных костюмах, при исполнении государственной службы: «В рядах Русского войска... вы видите в регулярном строю взвод башкирцев на своих степных конях, известных своею крепостию и быстротою, в красных суконных кафтанах, обшитых позументами, с высокими остроконечными шапками, вооруженных пиками, луками и колчанами

с стрелами; в числе их резко обозначаются витязи (батыры), покрытые сверх кафтанов кольчугами, в железных шлемах. Любопытно было смотреть на этих красных долгополых кавалеристов в тот момент, когда они, несясь во весь опор мимо г. корпусного командира, стараются выказать свою ловкость и заслужить его одобрение, интересно самодовольствие в ту пору на этих смуглых лицах, когда на слова командира: “хорошо ребята”, по их рядам проносится громогласное и, конечно, донельзя изломанное: “рады стараться Ваше Высокопревосходительство!”» [Там же]. Тон описания совсем иной, нежели в сюжете М. Ястребова о попытках беседы с ямщиком-казак¹²; впрочем, и в других своих текстах Павловский, обращаясь к древней культуре кочевников, склонен показывать исконное население края в выгодном свете. Здесь впервые на страницах ОГВ полиэтничность края явным образом становится сильной стороной и одним из ресурсов губернии.

Прием театрализации, активно используемый оренбургским респондентом ОГВ, предполагает известную дистанцированность от изображаемого и тем решает две важные для конструирования образа края задачи. Во-первых, актуализирует безопасность события как действия театрального; во-вторых, помещает разноплеменных участников-«актеров» в общий со зрителями (и читателями) культурно-исторический контекст. Таким образом, театрализация вкупе с высокой детализацией изображаемого в заметке создает образ безопасного, яркого, экзотически-привлекательного мира¹³.

Эта тенденция развивается и далее в описании скачек. Занимающие в культуре кочевников-коневодов привилегированное положение, они высоко ритуализированы. Их описание также подчинено определенному канону, который ярко проявляется в текстах П. Павловского: собственно, он и прописывает все составляющие этого канона на страницах ОГВ, создавая своего рода «эталонный текст о скачках». Читатель может получить исчерпывающее представление о празднике, описан-

¹² Интересно, что подзаголовки статей М. Ястребова и П. Павловского отсылают к эпистолярному жанру, однако если у Ястребова установка на доверительность и близость проявлена в тексте, то заметка Павловского – «Извлечено из письма Редактору» – ориентирована на самую широкую читательскую аудиторию, авторская позиция в ней максимально объективирована.

¹³ Способность текстов П. Павловского представлять полиэтничность в качестве ресурса территории, приведшего впоследствии к тому, что мультикультурность стала необходимым элементом региональной идентичности жителей Оренбуржья, отчетливо видна на фоне заметки В. И. Даля о скачках, опубликованной десятилетием ранее в столичной прессе [Луганский]. Скачки

ном поэтапно, шаг за шагом: собравшиеся зрители и конные башкиры и киргизы; выставленная стража из башкир у ворот Караван-Сарая и караул на гауптвахте; прибытие оренбургского военного губернатора со свитой и «трех башкирскими воинами в кольчугах и шлемах, из коих у одного на шлеме был высокий красный султан, а другой имел при себе копьё необыкновенно-длинное» [Там же, с. 467–468]; возглас «моазинов» с высокого минарета мечети и собор ахунов и мулл во главе с Муфтием, отправляющихся в мечеть; «находившаяся около Караван-Сарая конница», которая «по данному знаку с шумом двинулась из густой массы народа и поскакала по Уфимской дороге к горе Гребеням, находящейся в 19 верстах от Оренбурга» [Там же, с. 468]. Не забыты здесь зрители: «между тем близ Татарского кладбища, на той же дороге, для угощения азиатцев раскинуты были кибитки и подле них расставлены столы на низких подножиях; в огромных котлах варился бишбармак, для приготовления которого убито 6 лошадей и 4 барана» [Там же]. Время томительного ожидания занято другим любопытным зрелищем: «для удовольствия посетителей произведена была взводом казаков на всем скаку лошадей стрельба в цель, сперва из пистолетов, а потом из ружей, и кончилась тем, что бедная соломенная чучела запылала» [Там же]. Из той же заметки можно узнать, какие призы ожидали победителей скачек: верблюд, покрытый зеленым сукном, и серебряно-вызолоченная кружка; красный, синий и зеленый суконные кафтаны, обшитые позументом; золотой перстень; бархатные тюбетейки и пр. Победителем вышел «мальчик лет 13, киргизец, один, далеко впереди своих соперников, на вспотевшей лошади быстро промчался посреди народа и остановился

у Павловского — зрелище, костюмированное представление; очерк Даля начинается парадоксом — теснотой в степи, когда «тысячи разноплеменных гостей и коренных обитателей края покрывали обширную степь», и продолжается угощением, которое «гости наши кушали без ножей, без вилок и без прочих затей, служащих только для излишней проволоочки дела» и «стол их кончился очень быстро» [Там же]. См. также об этнографизме как возможном способе выхода за пределы романтического канона в творчестве П. Кудряшова, одним из первых в литературе описавшим «воинские игры башкирцев» [Созина, с. 162–163]; первая публикация поэмы П. М. Кудряшова «Оренбург. Воинские игры башкирцев (отрывок из повести Абдрахман)» состоялась в 1826 г., [см.: Кудряшов, с. 8–14]. Поэму Кудряшова в качестве одного из источников сведений по традиционной культуре башкир упоминает И. Валеев, вписывая воинские игры башкир (скачки, охоту и др.) в контекст воспитания физической ловкости и выносливости у детей, подростков и юношества [Валеев].

за определенную чертою» [Там же]. Заметка заканчивается, когда завершается длинный праздничный день: ужин для «поклонников Магомета» ожидается лишь после заката, когда можно удовлетворить «непритворный аппетит, по своему обыкновению пятью пальцами», а до этого «киргизкайсаки и башкирцы занимались борьбою и игрою на чебызге», наблюдая иллюминацию Караван-Сарая и всего города [Там же]. Итак, заметка Павловского хотя и опирается в некоторой мере на предшествующие литературные опыты описания скачек, отличается исчерпывающей полнотой, и в последующих текстах о скачках в ОГВ уже нет нужды повторять описание каждого этапа. Это, в частности, заметно по очерку В. Зефирова «Удряк-баш, или 22 августа в мещерякском кантоне» (1852), где талантливый литератор сосредоточивается на описании собственных чувств, а повествование в гораздо большей степени субъективируется [Зефиров].

Описание скачек в столице края – Оренбурге – можно сравнить с репортажами об испытаниях крестьянских лошадей в быстроте скачки и возке тяжестей в Бугульме, составляющих главное событие в культуре и экономике этого города. В них подробно отражены условия и организация соревновательно-ярмарочного процесса, конец репортажа открыто эмоционален: «Нельзя описать всего восторга, каким оглушался этот испытательный день. Получившие призы подчивали близко знакомых, и разгул их был нараспашку. Башкирцы, страстные до наездничества, старались на перерыв торговать лошадей, получивших скаковые призы» [Испытание..., с. 279]. Выгодное расположение Бугульмы на перекрестье дорог из Казани в Оренбург и Уфу, ее ярмарочные дни, являющиеся первым торговым рынком после летних земледельческих трудов, а также после Нижегородской ярмарки, дают Бугульме все шансы стать крепким торговым городом, а день скачек был установлен по указанию правительства, дабы «увеличить числительную силу этого провинциального рынка» [О Воздвиженской Бугульминской ярмарке, с. 337]. В той же заметке корреспондент демонстрирует прекрасное понимание психологии и культуры коренного населения края: «...Чем богатый Башкурт не пожертвует за лихого бегуна, лишь бы он выдержал первенство в скорости на их весенних эсинах? Ловкий из них наездник как стрела несется с гиком на своем коне к знаку скакового приза; восторг его тогда бывает невыразим, в особенности когда состязателей с ним было много. Маленькие его глаза издают в то время какой-то особенный блеск.

Красный кафтан – венец его награды. Настоящий же владелец отличившегося бегуна от избытка радостных чувств выпивает на открытом воздухе не одну чашу целительного кумыза и угощает им старейшин семейств с полным радушием» [Там же]. Примечательно, что, заканчивая заметку восклицанием: «Скачки – душа нашего масульманского края!», автор включает себя (и аудиторию русскоязычных читателей ОГВ) в общий с «башкуртами» культурный и эмоциональный контекст обитателей степного края. Таким образом, более чем двадцатилетняя история описания скачек надежно связывает их с формированием региональной, надэтнической идентичности.

Итак, Оренбург на страницах ОГВ пышен и театрален. Уфа же резко отличается от него по интонации описания. Большинство заметок, посвященных Уфе, сосредоточено в рубрике «Местные известия»¹⁴ и адресовано, в первую очередь, основной читательской аудитории ОГВ, проживающей именно в Уфе, где и располагалась редакция неофициальной части газеты. Проведем обзор основных тематических групп обширного цикла «местных известий» в соответствии с занимаемыми ими объемами.

1. *Фенологические наблюдения (Уфа и окрестности)*. Судя по материалам ОГВ, горожане-уфимцы середины XIX в. пристальнее всего интересовались погодными условиями и их влиянием на земледелие. Вот одно из первых сообщений: «Уборка хлеба, по неблагоприятной погоде, идет в окрестностях Уфы весьма медленно. Ржаной хлеб, сжатый, по большей части пророс; поля, засеянные овсом, можно смело принять за пустошь; так как они пропали от ненастья и ржавчины, преимущественно действующей на овес; горох можно узнать только по его почерневшей соломе, кое-где видной; гречи хотя и заметны, но лежат на земле, проросшие травой; проса, прекрасные соломой, большею частию пусты от бывших в конце июля месяца морозов. Теперь остается одна надежда на пшеницу и полбу с ячменем; но и они от излишней влаги тоже начали склоняться к земле. Такое состояние полей наводит весьма грустное чувство на поселян, которое разделяют с ними и самые горожане; так как по скудной жатве начинает возвышаться и ценность в городе на хлеб» [Местные известия, 1846, № 38, с. 453]. Эти развернутые эмоциональные описания видов на урожай так важны для

¹⁴ Скорее всего, они принадлежат перу редактора ОГВ И. П. Сосфенова.

«уфимского» текста ОГВ, что присутствуют даже в тех выпусках, где весь раздел сокращается до одной фразы, например, такой: «Время стоит самое благоприятное; дожди по временам напояют жаждущую от зноя землю» [Местные известия, 1847, № 26, с. 311]. Камерность и умиротворенность (несмотря на частое ворчливое недовольство плохой погодой) фенологических заметок уфимских наблюдателей особенно очевидны при сравнении с оренбургским текстом о погоде: там в 1850 г. летние июльские «палящие жары и бездождие» сгубили не только травы, но и деревья и кусты, особенно садовые [С.-ров, 1850, с. 161]; в ноябре в страшный ураган со снегом попал Дюрткоринский род на вершине р. Иргиза: погибло 168 человек киргизов, 1292 лошади, 205 600 голов баранов, 490 верблюдов, 360 голов рогатого скота [Сунгуров, с. 240]. Таким образом, в роли местных (городских!) новостей нередко выступают *природно-климатические события*.

Река Белая – отдельный и регулярный уфимский объект описаний, одушевленный и поэтизируемый: «Река Белая, находясь 158 дней под покровом льда, 6 числа настоящего месяца скинула с себя это зимнее одеяние, а 11-го, вышед из берегов, пустилась в раздолье луговое» [Местные известия, 1847, № 17, с. 236]; «Наша красавица Белая и доселе не вошла в свои берега; она перекатывает с плеском струи свои по луговой стороне» [Местные известия, 1847, № 27, с. 319]. На страницах ОГВ фиксируются наведение плашкотного моста [Там же], установление зимнего пути, особенности переправы через Белую башкирцев и мещеряков: «Некоторые из башкирцев и мещеряков, вынужденные необходимостью, переправляли своих связанных лошадей на дровнях, а другие на санях; так как они, будучи без подковки, не могли переходить, не падая на каждом шагу, по его гладкости. Здесь кстати надобно заметить, что мусульмане нашего края никогда не имеют обыкновения ковать лошадей» [Местные известия, 1846, № 46, с. 551].

Для описаний природных и погодных явлений в целом характерен прием *олицетворения*: помимо реки в заметках ОГВ наиболее часто одушевляются бураны: «Начало 1850 года зима приветствовала у нас морозами, восходящими до 35 градусов, а потом шумными буранами, которые заставляли путников прозябать по полсуткам среди снежных пустынь на одном месте, предавая жизнь свою единственно на произвол судьбы. Эти бураны, как сыны башкирских степей, до того ныне разыгрывались, что самые пьяные кони почтового ямщика становились

в пень, не могли продолжать пути противу направления их, при всех усилиях возчика» [Местные известия, 1850, № 5, с. 21].

Природно-стихийные силы, регулярно упоминаемые на страницах раздела местных новостей, формируют образ Уфы как места, где природа и живописный ландшафт есть некоторые т. н. «удобства», которыми уфимцы активно пользуются, и страдают, будучи лишены их: «С 30 мая мы начали только пользоваться так называемыми майскими вечерами, где, при благорастворении воздуха, вечерняя теплота и лунные ночи неволью вызывали каждого на прогулки то по набережной, чтоб слушать звучные трели соловья и любоваться чистыми струями нашей Белой, то на Дерюгинское загородное гулянье, откуда виды на окрестности города очаровательны, или на луговую сторону Белой чрез плашкотный мост, по которому уже три недели делается сообщение с городом; но эти удовольствия или наслаждения природою здесь непродолжительны и не постоянны; так, в вечер 5 июня нужно было или сидеть в комнатах, не растворяя окон, или прокатиться на рысаке в нелегком уже пальто; но в теплой шинели, если не в шубе. При северном ветре теплота была гораздо ниже 8 градусов, а ночью был мороз» [Местные известия, 1848, № 24, с. 146].

Красоты Уфы, будучи сопоставимы с лучшими европейскими пейзажами, очевидны не только жителям города, но и «внешнему наблюдателю». Например, некая Н. К. (или выступающий под этой маской неизвестный нам автор ОГВ) в традиционной эпистолярной форме рекомендует подруге вид на Уфу как на «первосозданное жилище русских среди кочевой Башкирии»: «Ты любовалась бы этою картиною, видя красивые здания, перемешанные с зелеными садами, и реку Белую, обвившую город подобно голубой ленте. Оставь степной свой С. и приезжай к нам, душечка, полюбоваться окрестностями Уфы, они стоят внимания путника. Мы поехали бы с тобою весною в Стерлитамацкий уезд, в нашу деревню; там по течению реки Большого Инзера виды пребесподобные; посмотрев их, не позавидуешь и Швейцарии, о которой мы некогда с тобою так много мечтали» [Н. К., с. 338–339.]. Горный ландшафт течения Большого Инзера здесь противопоставлен степному, а «кочевая Башкирия» подана как Эдем, в котором царит гармония городской цивилизации и природы.

2. Уфа в исторической перспективе. Роль Уфы в истории России фиксируется, главным образом, в трудах семьи Ребелинских [подроб-

нее о них см.: Свице, с. 77–86] и В. С. Юматова¹⁵. Трагические страницы истории Уфы прежде всего связаны с историей Пугачевского бунта. В «Копии с летописи об осаде Уфы», составленной родственником В. А. Ребелинского и опубликованной в ОГВ в 1847 г.¹⁶, рисуется непростая ситуация времен восстания: избежав опасности быть захваченными войсками Пугачева и Зарубина (Чики), воевода и комендант Уфы оказались перед сложным выбором – решить судьбы сотни пленных. В этом контексте возникает образ «тайной тюрьмы», которую предстояло создать для пленников, – образ, соединяющий в себе ужас неизбежного решения, оформленный эвфемистическими риторическими конструкциями, с прагматическим цинизмом и рационализирующим оправданием казни: «Придумали наконец оставить из них нужное только количество для расчистки полыньи, а прочих утопить в реке Белой, и преимущественно тех, кои по увещеваниям остались непреклонными; но в этом случае устрашало их варварство, да и трудно было отыскать способных людей на это; наконец решили тем, что придумали поставить на льду реки Белой избу под названием – тайной тюрьмы. В тюрьме этой полу не было, а прочищена прорубь по самые стены, так что, войдя в дверь, при темноте прямо должно упасть в реку; таким образом все пленные посажены были в вечную тюрьму, что делано было и с последующими пленными. Эта мера была хотя и жестока; но она спасла город

¹⁵ Перу В. С. Юматова принадлежит ряд работ по истории Башкирии, которые отличаются глубоким знанием предмета, обстоятельностью аргументации и впечатляющим масштабом осмысления событий, имеющих отношение к истории Башкирии и Оренбургского края в целом. Таковы, например, его статьи, написанные в 1847 г.: «О названии башкирцев», «Мысли об истории Оренбургской губернии», «Грамота к стольнику и уфимскому воеводе Головину, чтобы башкирских земель русским пришлым людям не отдавать», «Несколько известий о службе башкирцев», в 1848 г.: «Древние памятники на земле башкирцев Чубиминской волости», «Древние предания у башкирцев Чубиминской волости», «Исследование о начале Гурьева города», «Исследование о городе Гурьеве и взятие его Стенькою Разиным»; а также посмертные публикации 1849 г.: «Сравнительный взгляд на состояние большей части дворянских имений Уфимского уезда, в нынешнее и прежнее время (из записок, оставшихся после покойника)», «Краткий исторический взгляд на первобытных жителей Оренбургского края [Извлечено из записок покойного В. С. Ю.]», 1851 г.: «О поимке Марины Мнишек на берегах Урала [Из мемуар. покойного В. С. Юматова]».

¹⁶ Эти сведения почерпнуты из редакторского комментария к публикации: «Редакция долгом считает благодарить В. А. Ребелинского за доставление копии с летописи об осаде Уфы, составленной его родственником, как очевидцем этого события» [Осада, № 12, с. 96].

и храмы Господни от грабежа и сохранила его от возмутителей и неминуемых подстрекательств» [Осада, 1847, № 13/14, с. 206]. Описание штурма города строится по законам драматургии: например, третий приступ мятежников расписан, как сценарий, в котором «сцены» соответствуют улицам Уфы, с благовестом в соборе, сопровождавшим штурм. Очевидно, именно в силу высокого драматизма повествования этому сочинению было суждено оказаться в числе исторических источников для романов, написанных «на местном материале» позднее. Например, в романе А. М. Федорова «Степь сказала» (1898) мы находим почти буквальное воспроизведение изложенных выше событий [подробнее об этом: Граматчикова, 2007, с. 202.]. Это свидетельствует о том, что весь корпус краеведческих и исторических материалов, опубликованных в периодической печати Оренбуржья и Уфы, через несколько десятилетий оказался востребованным уже в виде историко-культурных декораций в художественной литературе о Южном Урале.

3. Досуг и культурная жизнь Уфы. Что касается рассматриваемого периода существования газеты, то наибольший интерес среди уфимцев вызывает в это время новый вид местного досуга – театральные постановки: «в конце лета 1848 г., – сообщается в “Местных известиях” ОГВ, – во временном театре г. Стрелкова начали давать 3 спектакля ежедневно» [Местные известия, 1848, № 37, с. 245]. Обзор репертуара, постановок, костюмов, оценка игры труппы, представленные на страницах ОГВ, принадлежат, по-видимому, самому редактору И. П. Сосфенову: «Дивертисменты сходят на нашей сцене довольно удачно, в особенности танцы и русская пляска, о пении же сказать этого нельзя» [Уфа. Театральная хроника, 1848, с. 262–263], – пишет он. На фоне стихийных природных явлений и исторических потрясений, в которых уфимцы, как это следует из анализа материалов ОГВ, недостатка не испытывают, сфера культуры несет на себе отчетливые следы «культурного голода» провинции, что выражается в сетованиях на нерегулярность театральных событий и неоднородный уровень творческих коллективов.

Зимний сезон в Уфе несет с собой ярмарки и балы – «общественные увеселения», радующие уфимцев «самым приятным препровождением времени, которое редко достается на долю жившим среди степей Башкирии» [Местные известия, 1850, № 10, с. 43]. В этом же разделе газеты перечисляются благородные собрания, клубы, частные

интересные вечера, театр и рысистые бега (рысакам уделено столько же внимания, сколько и приезжей театральной труппе), критикуются привычки уфимок выбирать неудобные улицы для масленичных катаний на лошадях. Здесь же мы находим несколько стереотипизированных зарисовок ярмарочной жизни Уфы, когда горожане, «от малого до старого и наоборот, спешили пользоваться такою приятною погодою и менять свои серебряные рубли на фабричные изделия Европы и Азии, привезенные ныне на нашу ярмарку» [Местные известия, 1850, № 6, с. 26]. Хотя заметки о культурной жизни Уфы в рассматриваемый период еще невелики по объему, они играют важную роль в консолидации городского сообщества, очерчивают пространство значимых для города мест и подготавливают изменения в общественном сознании.

Итак, образы Уфы и Оренбурга, создаваемые на страницах ОГВ, различаются, прежде всего, по интонации. Описания Уфы пронизаны *теплыми*, какие возможны по отношению к дому, чувствами, формирует которые, в первую очередь, сам редактор газеты И. П. Сосфенов (поскольку именно он, как нам представляется, был автором большинства заметок об Уфе). Показательно, что в повествование о своей весьма недолгой инспекторской поездке Сосфенов включает несколько эпизодов «прощания» с родной Уфой. Первый – когда он с большой неохотой расстается с «письменным столом и учебными занятиями» ради служебной необходимости; второй – когда «почтовый колокольчик, привязанный на левом берегу реки Белой, заставил, – как пишет Сосфенов, – меня еще раз оглянуться на Уфу и поклониться ее святыне»; и, наконец, когда на горе Бекетовской, в 30 верстах от города, он приказывает ямщику остановиться и не может отвести взгляд от оставшейся позади Уфы, с ее собором и монастырем, «ведь восемнадцатилетняя в ней служба связала меня с нею узами родства» [Сосфенов, с. 469].

Образ Оренбурга же, по большей мере, сконструирован *имперским дискурсом*: не случайно главное действующее лицо в нем – военный губернатор, определяющий жизнь южноуральского фронта империи.

Бирск – Бузулук

Сопоставление образов этих двух городов, оформляющихся на страницах ОГВ, возможно лишь в аспекте литературоведческой рефлексии, поскольку сами города не связаны единой транспортной нитью, находятся далеко друг от друга и слишком малы, чтобы конкурировать

на расстоянии. Тем не менее тексты о них чрезвычайно выразительны: описание Бирска (1846) становится первым, сделанным в соответствии с планом, рекомендованным редакцией, а «Сказание о Бузулуке» (1850) знаменует новый этап в литературном конструировании имиджа территорий.

«Взгляд на уездный город Бирск» за подписью С. (напомним, что автором, очевидно, является И. П. Сосфенов¹⁷) демонстрирует *статичный* подход к репрезентации города. В таком случае заезжий литератор как бы отказывается от «внешней» по отношению к объекту описания позиции, заменяя ее на подчеркнуто нейтральную. Как текст, так и формируемый им образ города при этом проигрывают: ощущается явная недостача сопоставительного ресурса – город словно замирает во времени и теряется в пространстве. Несмотря на то что все пункты плана для описания города здесь заполнены, Бирск остается типичным провинциальным городком: с немногочисленным населением («образ жизни и характер их довольно правильны»), с несколькими каменными зданиями (3 церкви, 2 магазина, 2 каменных дома), с набором «древностей» (Чудское, Чертово и Белоголовое (Акбашево) городища). Разве что ярмарки дважды в год оживляют дремотный покой Бирска. «К замечательным событиям города должно отнести лишь то, что Государь Император Александр Павлович осчастливил его в 1824 году своим пребыванием» [С., 1846, № 4, с. 39], – двадцатилетняя давность единственного замечательного события, очевидно, несколько смущает и самого писателя. В результате создается идеальный фон для произведений о скуке провинциальной жизни: «Деятельность у жителей города Бирска очень мало развита; они ограничиваются лишь необходимостью; нет двигателей промышленности, которые бы пробудили дремлющую силу торговли» [Там же].

Впрочем, уже на следующий год Бирск найдет своего летописца – им станет местный литератор М. Попов, в репортажах которого Бирск становится ареной больших и малых событий: мы узнаем, что жители Бирска дважды за осень 1847 г. оказались свидетелями редкого для этих широт природного явления – северного сияния [Попов, 1847, № 48, с. 679]; в декабре этого же года М. Попов пишет большую статью об освящении Михайло-Архангельского храма [Попов, 1847, № 49,

¹⁷ Сошлемся на авторитетное в этом вопросе мнение историка М. И. Роднова, изучившего биографию И. П. Сосфенова [см.: Роднов].

с. 685–694]. В 1851 г. в № 21 местные известия о Бирске за подписью М. Попова занимают более двух страниц. Картина, открывающаяся читателям, весьма пестра: здесь и поздняя весна, и ледоход на Белой, и гроза 9 мая, когда «молния оконтузила грудь крестьянской девочки, сидевшей в избе у открытого окна. В этот же день ласточки реяли и щебетали в воздухе в первый раз» [Попов, 1851, с. 83], подробный отчет о движении товара на пристани, цены на зерно и мочало... Для Попова нет скучных тем, он предсказывает Бирску «цветущее положение» в торговле, легко внося в перечисление хозяйственных нужд непринужденно-доверительные интонации: «Теперь поговорим о мочале...». Заметив, что ради получения мочала (использовалось для производства кулей под муку) уже погублено более 50 000 деревьев, – а к этому нужно добавить еще и деревья, идущие на лыко и лубок, на хозяйственные постройки, на березки к Троицыну дню, на выжигание золы и шадрика, – Попов заключает с восклицанием: «Ужасно! Человек безрассудно торопится снять с земли лучшее ее украшение – лес» [Там же, с. 85].

Таким образом, разглядеть в Бирске за обыденностью живую жизнь, соразмерную городку и его обитателям¹⁸, удастся именно местному литератору, занимающему по отношению к объекту описания внутреннюю позицию. Взгляд же сторонний, нейтральный, опирающийся на унифицирующую схему описания города, оказывается не в силах уловить своеобразие бессобытийной жизни провинции.

Бузулук представлен на страницах ОГВ заметками талантливого автора К. Ивлентьева¹⁹, который, сочетая несколько нарративных практик, создает многогранный образ города. Следует отметить, что писательская манера К. Ивлентьева отчетливо проявляется уже в 1850 г.

¹⁸ Стоит отметить, однако, что и «заурядность» Бирска не есть только результат невнимательности проезжающих. Комплексное описание Бирска было проведено известным историком и краеведом Р. Г. Игнатьевым, который собрал материалы для всестороннего описания города, опубликованного в 1868 г. [Роднов]. Недавние диссертации историков [см.: Назмутдинова; Белоглазов] подтверждают репрезентативность Бирска как типичного малого уездного города России в рассматриваемый нами период.

¹⁹ К. Ивлентьев – литературный псевдоним Константина Григорьевича Евлентьева (1824–1885), внесшего огромный вклад в развитие библиотечного, архивного и музейного дела России. Свою краеведческую деятельность, начатую в Бузулуке и с. Державино, К. Г. Евлентьев продолжил сначала в Казани (1853–1857), а затем в Пскове, где работал более 20 лет, став одним из организаторов псковского историко-архитектурного музея, а также положив начало архиву и библиотеке Псковского археологического общества, которые послужили основой

в его статьях-исследованиях храмов в селах Могутово [Ивлентьев, 1850, № 29] и Державино [Ивлентьев, 1850, № 30]. Село Державино и храм в нем несут печать «гения места» – поэта Гавриила Романовича Державина, в 1798 г. приславшего для росписи иконостаса живописца из Санкт-Петербурга, тогда как иконостас правого придела писан на стекле Екатериной Яковлевной Державиной – первой супругой поэта. Для Ивлентьева-литератора ценны и храмы, связанные с именем поэта, и память старожилов, лично знавших Державина и служивших ему. Знаковым в этом отношении оказывается и то, что на фоне эпидемии холеры, разразившейся в 1847–1848 гг. в Оренбургском крае, Бузулук «пощажен милосердием Божиим, быть может, по усердной молитве горожан» и не затронут эпидемией вплоть до лета 1848 г. [Местные известия, 1848, № 15, с. 90]. Эти статьи-исследования справедливо считаются С. В. Колычевым «творческой лабораторией» Ивлентьева, в которой оттачивался его метод [Колычев]. Неутомимая любознательность К. Ивлентьева находит реализацию в реальных археографических и исторических разысканиях, а его талант литератора дает возможность сконцентрировать историко-краеведческий материал вокруг образа знаковой для края фигуры великого русского поэта, а также его семьи. Под пером Ивлентьева архитектурные сооружения выступают в роли «немых свидетелей» жизни поэта, хранящих память о нем наряду с живыми свидетелями прошлого. В результате образ родного края в работах Ивлентьева разворачивается как увлекательное странствие в историческое прошлое этих мест.

Историческая перспектива, представленная в корреспонденции К. Ивлентьева 1850-х гг., обретает эпическое измерение: так, свои материалы о Бузулуке, опубликованные в нескольких номерах ОГВ, он озаглавливает «Сказание о Бузулуке (от 1736 по 1791 год)» [Ивлентьев, 1850, № 41, 42]. Не избегая ожидаемых и достаточно формальных моментов в описании населенного пункта (этимология названия, история основания города-крепости и переноса крепости на нынешнее место из-за весенних подтоплений), Ивлентьев рисует детализированный образ «колыбели

древлехранилища Псковского объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Материалы для биографии Ивлентьева насчитывают около 120 его печатных работ, а «Археологическая записка о Поганкиных палатах» была настолько популярна, что издавалась пять раз (дважды посмертно) [подробнее о его деятельности см. Медников, 2004, 2009; Колычев].

нашего Бузулука» – старого городка, квадрата крепости «по домам мещанина Полякова, священника Тихомирова, купца Плешивцева и чиновницы Авдотьи Мерзляковой», накрепко связывая прошлое и настоящее города. Подкупают простота, искренность интонации автора и камерность звучания всей истории в целом. Начало Бузулукской крепости отнесено во времена райского изобилия: «Окрестности Бузулукской крепости при ее основании были еще девственны и кипели изобилием во всех отношениях: в них водились разные породы диких животных, как-то: коз, оленей, медведей, лошадей, свиней и проч.; было несметное множество дичи; произрастали в несметном изобилии многообразные породы ягод, а о богатстве в угодьях для хозяйства и говорить излишне. Но – сейчас куда все-то девалось!» [Ивлентьев, 1850, № 42, с. 197]. Описание плана крепости настолько же подробно, насколько и занимательно для читателя: «Из новой крепости вели четверо ворот: Оренбургския, или Овечьи, на Оренбургскую дорогу; Елшанские, или Коровьи, на крепость Елшанскую и Симбирский почтовый тракт; Дамашкинские, или Водяные, на речку Домашку; и Самарские, или тоже водяные, на реку Самару» [Ивлентьев, 1850, № 41, с. 192]. Связь «вчера» и «сегодня» регулярно закрепляется в сознании читателя через образы ключевых строений-ориентиров: «На том пункте нынешнего Бузулука, где стоял недавно дом И. Немцова, в Бузулукской крепости была площадь, на которой стояло две церкви, в ограде коих было кладбище» [Там же]. Далее следует замечательная зарисовка времен пугачевского бунта, когда крепость была занята «соумышленниками бунтовщика и самозванца; причем дома обывателей, оставивших свои жилища, были разграблены, пойманные беглецы повешены (6 человек), другим из них обрезаны уши, а именно: казакам Черневу и Чечерину, первому одно ухо. А последнему оба. Обывателям было выставлено вино» [Там же]. Дополнительные штрихи к характеристике нравов той эпохи (трупы с виселицы у Дамашкинских ворот не снимали неделю) тут же сменяются «голосом гражданина», формирующим общественное мнение по определенной проблеме: необходимо остановить разграбление «трех земляных насыпей в городском выгоне, содержащих в себе кости убитых» на месте сражения генерала Мансурова с сообщниками Пугачева, поскольку одну из таких насыпей разрыли в прошлом, 1849 г., «искатели кладов», выбросив человеческие черепа, медные тельные кресты, медные монеты и др. [Там же, с. 192–193].

Во вторую часть очерка о Бузулуке Ивлентьев помещает еще один рассказ о событиях далекого 1785 г., «тяжелой години для города»: в тот год, встречая у Овечьих ворот генерал-губернатора от инфантерии, солдат Иосиф Игельстром не загасил фитиль, и «генерал-губернатор не переменил еще лошадей, как пороховой амбар взорвало и страшный начался пожар» [Ивлентьев, 1850, № 42, с. 195]. В этом пожаре к вечеру того же дня сгорело: 300 домов, 2 церкви, 6 человек, пороховой амбар, соляной, хлебный магазин, тюремная изба и деревянное укрепление крепости, кустарник и гумна. Уцелел только казенный соляной амбар у Овечьей башни. Половина жителей крепости осталась в одном платье. Переночевавший на пепелище генерал-губернатор наутро отправился в Оренбург просить помощи погорельцам. К осени был готов новый план крепости, проведена перепланировка, погорельцам роздана рожь, а в 1791 г. воссоздание города завершилось сооружением новой деревянной церкви во имя Архистратига Михаила.

Итак, историческое повествование К. Ивлентьева об южноуральском крае складывается вокруг либо знаменательных событий (восстание Пугачева, пожар, наводнение и т. д.), либо знаковых личностей – своего рода «гениев места»²⁰. И то и другое служит сюжетным стержнем для историко-краеведческих материалов писателя и формирует местную идентичность.

* * *

Через несколько лет после начала выпуска неофициальная часть ОГВ становится одной из важнейших площадок, где формируется относительно цельный образ края. Следует отметить, что в середине XIX в. образ того или иного края не может быть сложен из литературных репрезентаций городов, как из кусочков мозаики; оформление образов края и располагающихся в его пределах городов идет различными путями. Что касается непосредственно Оренбургского края, то в концептуализации его образа ярко проявляет себя имперский дискурс [подробнее см.: Граматчикова, 2015], тогда как возникающие образы городов конструируются, в значительной степени, не централизованно,

²⁰ Анализ других материалов К. Ивлентьева по Бузулуку показывает, что он активно и живо откликался на события, важные для сегодняшнего дня города, например в заметках о барке Стобеуса [Ивлентьев, 1849, № 18; Ивлентьев, 1849, № 19]; а также был дотошным и увлеченным исследователем старины, что отразилось в заметках о старинных курганах [Ивлентьев, 1849, № 8] и татарском кладе [Ивлентьев, 1849, № 36].

а «снизу». При этом парадокс заключается в том, что формирующие «городскую повестку» респонденты – а это образованная часть местных горожан: чиновники, учителя, военные, врачи, священники, помещики и др., – в своих текстах разделяют по отношению к территории позицию «внешнего наблюдателя», сочетая, таким образом, взгляд «изнутри» с точкой зрения «столичного гостя». Подобное совмещение неизбежно привносит в тексты о «своем» – провинциальном, южноуральском – определенную долю *фрустрации*, в силу, как правило, невыигрышных сравнений со «столицами» и нарастающего ощущения неадекватности «столичных» стандартов в применении к отдаленным прифронтирным территориям, где само существование сети русских городов, соединенных безопасными дорогами, еще не стало повседневно-привычным. В материалах ОГВ рассматриваемого десятилетия отдаленность от центра страны со всеми вытекающими последствиями, вынужденная жизнь в иноэтничном окружении являются для авторов постоянными раздражающими факторами, которые проявляются в текстах на уровне полуосознанных реакций на «иностранцев» края и в двойной адресации текста (и к землякам, и к абстрактно-столичной публике).

Большой заслугой редактора газеты И. П. Сосфенова можно считать то, что за первые несколько лет своего пребывания во главе неофициальной части ОГВ ему удалось сформировать круг корреспондентов из числа местных жителей, в разной степени одаренных литературно, но неравнодушных к истории края. Они активно занимались наработкой материала литературного картирования, в различных жанрах описывая уездные города Оренбургского края, иногда придерживаясь рекомендованного плана, но чаще – в свободной форме репортажей, очерков, заметок, писем и др.

Будучи связаны исторически, территориально и хозяйственно, города Южного Урала в своих литературных репрезентациях склонны вступать в отношения близости и соперничества, образуя *ситуативно обусловленные оппозиции* (Белебей – Стерлитамак, Троицк – Челябинск, Оренбург – Уфа). Реже подобные пары можно выявить на основе *стилистики описаний* определенного периода (статичный Бирск – открытый эпическому прошлому Бузулук). В основе приведенных оппозиций далеко не всегда лежит простейшее противопоставление «свой»/«чужой», чаще корреспонденты ОГВ сопоставляют облики городов на основе одной либо нескольких характерных черт: так, «парадный Орен-

бург» контрастирует на фоне «домашней Уфы», а «простодушный русский Челябинск» – на фоне «пограничного сурового Троицка». Отметим, что оппозиция «свой»/«чужой» в целом проявляется в статьях о городах специфично: на самом деле, до конца «своим» почти никто из респондентов тот или иной описываемый город не считает (исключениями здесь представляются разве что Уфа, Бузулук и Бирск в описаниях Попова, но они, скорее, подтверждают правило). В литературных образах всех южноуральских городов есть компонент «чужого», обнаруживающий себя либо в раздраженной интонации повествователя (Янушкевич, Ястребов, Сосфенов), либо в любопытстве автора к иной культуре (Зефилов, Павловский). Полиэтничность территории Оренбуржья настолько высока, что игнорировать ее как ежедневную реальность не удастся, жизнь бок о бок с кочевниками и «иностранцами» можно либо «терпеть», либо осознавать как ресурс развития – личностного и территориального (следующий период развития газеты покажет, как из участия в военных экспедициях в крае вырастет целое востоковедческое направление).

Первое десятилетие активной и целенаправленной редакционной работы «Оренбургских губернских ведомостей» представляется интересным, поскольку демонстрирует процесс появления на страницах пока единственной в Оренбуржье газеты своеобразной «контурной карты» обширного края. За пестротой информационных заметок постепенно формируется образ «героического эпического прошлого» – времени активных военных действий по линии южного фронта империи. Важной вехой в успешном преодолении опасности остается Пугачевское восстание, по контрасту с которым настоящее постоянно рискует показаться «бессобытийным» и блеклым (что проявляется, например, в развернутой характеристике Бирска). В этом отношении новостная повестка издания оказывается чрезвычайно значимой, т. к. отражает, в первую очередь, стадию становления «смысла-для-себя» каждого города. В газетных публикациях обретают контуры образы «отцов-основателей» – исторических деятелей, важных для региональной истории и формирования идентичности южноуральцев. Локальная (городская, губернская, южноуральская) история таким образом обретает собственное прошлое и настоящее, задающее определенный вектор развития. В целом, ана-

лиз текстов ОГВ о городах Южного Урала дает возможность проследить процесс сращения имперского дискурса (с его геральдической символикой, эстетикой парадов и смотров) с дискурсом повседневности городского обывателя, который интересуется болезнями животных и растений, сетует на погоду и беспокоится о будущем урожае.

Одной из важных моделей выстраивания общекраевого культурного контекста выступает *театр*: через призму «театральности» на страницах ОГВ представлены городские мероприятия (Оренбург), исторические события (осада Уфы). Кроме того, театр оказывается и предметом обсуждения (рецензии на постановки гастролирующих в Уфе театральных трупп). В целом, освоение «чужого», перевод его в статус «своего», т. е. «безопасного», в корреспонденциях ОГВ о городах чаще всего происходит следующими путями: через переосвящение значимых/сакральных мест; с помощью театрализации настоящего (см. репортажи Павловского); через музеефикацию территории, т. е. включение определенных артефактов в список «достопримечательностей» вне зависимости от их этнокультурной составляющей (см., например, материалы об окрестностях Троицка и Бирска). Другой возможный путь – формирование *утопического нарратива* о той или иной территории. Чертами утопии, например, наделяется Челябин, причем не только в аудиовизуальных заметках-впечатлениях М. Ястребова, но и в корреспонденциях об уважаемых жителях города и в объяснении прозвания Челябин «золотым дном». Подобный утопический нарратив, скорее, выключает территорию из неизбежного процесса ассимиляции, консервируя в состоянии некой «патриархальности»; однако следование подобной стратегии чревато минимальной расположенностью к следующему шагу навстречу «иному». Тем более что параллельно в южноуральской периодике протекает процесс ментального включения разнообразных ландшафтов края в общеевропейский контекст (сравнение Башкирии со Швейцарией и пр.).

В лучших репортажах «с мест», публикуемых на страницах ОГВ, образы южноуральских городов складываются из эмоциональных впечатлений корреспондента относительно жизни горожан сегодня, соединенных с живым историческим нарративом; здесь же могут формулироваться назревшие проблемы городского сообщества и даваться руководства к действиям, что создает и укрепляет позитивную региональную и городскую идентичность.

Авторы-корреспонденты ОГВ почти всегда занимают позицию медиатора, странствуя ли по казенной надобности (Сосфенов, Ястребов), повинуюсь ли «номадизму» (Зефилов), углубляясь ли в прошлое (Юматов, Ребелинский, Ивлентьев). При этом их посредническая позиция сопровождается явной или скрытой рефлексией по поводу отдаленности региона от «центра» и различных аспектов сосуществования с носителями иных культур (обучение, миссионерская деятельность, торговля, служба в армии, постоянные дворы в нерусских деревнях). Однако самый важный для авторов ОГВ вопрос связан с их ощущением внутренней (не) легитимности безоговорочного принятия соседей по степи. Воспринимая Оренбургский край как последний рубеж цивилизации перед бескрайней и дикой степью, за ближним читательским кругом – кругом подписчиков ОГВ – ими мыслится читающая Россия в целом, принадлежность к интеллигенции которой ощущали все корреспонденты газеты. Обращение к эпистолярной форме дает им возможность выразить эмоции достаточно свободно и солидаризироваться в них с читателями.

Медиативная позиция некоторых авторов усложняется: к таковым относятся те литераторы, кто в силу воспитания (Зефилов) либо по роду деятельности (Юматов, Павловский, Ивлентьев) оказались более восприимчивы к чужой культуре. Они старались донести до русскоязычной аудитории ключевые смыслы и богатство культур тех народов, которые населяли степь издавна, хотя и были отнесены господствующим в XIX в. эволюционизмом к культурам «отсталым», кочевым. Именно в работах перечисленных выше авторов мы находим сейчас, в период смены русскоцентричной парадигмы, ресурс для иного восприятия «степи» и собственного места в процессе ее «освоения». Материалы газетных публикаций ОГВ честно отражают все сложности данного процесса, который не был гладким и безболезненным, однако историческая плодотворность позиции равенства с носителями иных культур сегодня не вызывает сомнений.

Белоглазов В. С. История города Бирска во второй половине XIX – конце XX в.: проблемы и тенденции развития малого города в условиях российской модернизации : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург : [б. и.], 2013. 24 с.

Боже В. С. Ястребов Матвей Никифорович // Писатели земли уральской. Южный Урал. URL: <http://pisateli.ch-lib.ru/tin/iastrebov/index.html> (дата обращения: 27.07.2016).

Валеев И. Патриотические традиции башкир // Бельские просторы. 2006. № 7. URL: http://www.hrono.ru/text/2006/vale07_06.html (дата обращения: 31.07.2016).

Грамматчикова Н. Б. «Гений места» как хранитель исторической памяти в романе А. Федорова «Степь сказала» // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 3: в 2 т. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 194–207.

Грамматчикова Н. Б. «Русский орел» vs. «Плутон-Шайтан»: идеология и этнография в «Оренбургских губернских ведомостях» в 1850-х гг. // Уральский исторический вестник. 2015. № 1 (50). С. 16–23.

Житков М. Выгодная покупка и продажа (Быль) // ОГВ. 1851. № 13. 31 марта. С. 46–49.

Житков М. Путевые заметки карандашом от города Троицка до Уфы. Посвящается Е.Л., урожденной К-д-уровой // ОГВ. 1851. № 39. 29 сент. С. 174–176.

З...з. Шихан (из восп. провин. туриста) // ОГВ. 1851. № 42. С. 186–188.

Зефилов В. Удряк-баш, или 22 августа в мещерякском кантоне // Историко-краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / сост. М. И. Роднов. Уфа, 2014. С. 42–52.

Иван Сосфенов: начало уфимской литературы / сост. М. И. Роднов. Уфа : Бирская гос. соц.-пед. акад., 2012. 103 с.

Ивлентьев К. Г. Бузулук // ОГВ. 1850. № 29. 22 июля. С. 142–143.

Ивлентьев К. Г. Бузулук. Отплытие барки Стобеуса // ОГВ. 1849. № 19. 7 мая. С. 107.

Ивлентьев К. Г. Бузулук. Первая барка на водах Бузулуцких г. Стобеуса // ОГВ. 1849. № 18. 30 апр. С. 102–103.

Ивлентьев К. Г. Курганы (В Бузулуцком уезде) // ОГВ. 1849. № 8. 19 февр. С. 49–50.

Ивлентьев К. Г. О татарском кладе, найденном в Бузулуцком уезде в 1847 году // ОГВ. 1849. № 36. 3 сент. С. 205.

Ивлентьев К. Г. Об иконостасе храма Смоленской Богоматери в селе Державине (Бузулуцкого уезда) // ОГВ. 1850. № 33. С. 161–163.

Ивлентьев К. Г. Сказание о Бузулуке (от 1736 по 1791 год) // ОГВ. 1850, № 41. С. 190–193; Там же. 1850. № 42. С. 194–197.

Испытание крестьянских лошадей в быстроте скачки и воске (sic!) тяжестей в г. Бугульме // ОГВ. 1848. № 41. С. 278–279.

Колычев С. В. К. Г. Евлентьев – первый исследователь храма в с. Державино Бузулукского уезда // Псков. 2012. № 37. С. 44–47. URL: http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/PSKOV/ps37/ps_37_04.pdf (дата обращения: 06.08.2016).

Краткий очерк обычаев Челябинского уезда. Изв. В. Уржумцев // ОГВ. 1848. № 7. С. 48.

Кудряшов П. М. Оренбург. Воинские игры башкирцев (Отрывок из повести Абдрахман) // Вестник Европы. 1826. № 9. С. 8–14.

Л. И. Челяба. (Сообщено) // ОГВ. 1846. № 46. С. 551–552.

Луганский Владимир <Даль В. И.>. Скачки в Уральске и Оренбурге // Северная пчела. 1835. № 15 (19 янв.).

Максимов А. Взгляд на уездный город Стерлитамак // ОГВ. 1846. № 8. 23 февр. С. 77–80.

Медников М. М. История создания музея // Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. [2009]. URL: http://museums.pskov.ru/istoriya_muzeu (дата обращения: 07.08.2016).

Медников М. М. Псковская археологическая комиссия. К истории создания // Псков. 2004. № 21. С. 19–27. URL: http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/PSKOV/ps21/ps_21_02.pdf (дата обращения: 07.08.2016).

Местные известия // ОГВ. 1846. № 38. С. 453.

Местные известия // ОГВ. 1846. № 46. С. 551.

Местные известия // ОГВ. 1847. № 17. С. 236.

Местные известия // ОГВ. 1847. № 26. С. 311.

Местные известия // ОГВ. 1847. № 27. С. 319.

Местные известия. О ходе эпидемической болезни холеры в Оренбургской губернии // ОГВ. 1848. № 15. С. 90.

Местные известия // ОГВ. 1848. № 24. С. 146.

Местные известия // ОГВ. 1848. № 37. С. 245.

Местные известия // ОГВ. 1850. № 5. С. 21.

Местные известия // ОГВ. 1850. № 6. С. 26.

Местные известия // ОГВ. 1850. № 10. С. 43.

Н. К. Нечто о Богородском и поездке в него (Извлечено из частной переписки) // ОГВ. 1848. № 48. С. 338–339.

Назмутдинова О. Р. Бирское купечество конца XVIII – первой половины XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург : [б. и.], 2012. 28 с.

О Воздвиженской Бугульминской ярмарке (20 ноября) // ОГВ. 1848. № 48. С. 336–337.

Обзор современного состояния Оренбургской губернии в географическом и Статистическом отношении. (Продолжение). Челябинский уезд // ОГВ. 1848. № 50. С. 351–354.

Осада г. Уфы, во время Пугачевского бунта // ОГВ. 1847. № 12–14.

Павловский П. Освящение Оренбургской Кладбищенской церкви (Оренбург) // ОГВ. 1847. № 21. С. 270–271.

Павловский П. Тридцатое августа 1846 года в Оренбурге (извлечено из письма Редактору) // ОГВ. 1846. № 29. С. 467–468.

Попов М. Бирск. Освящение Михайло-Архангельской церкви // ОГВ. 1847. № 49. С. 685–694.

Попов М. Местные известия. Бирск // ОГВ. 1851. № 21. С. 83–85.

Попов М. Северные сияния // ОГВ. 1847. № 48. С. 679.

Роднов М. И. Бирск на газетных страницах XIX века // Бирская старина : ист.-краевед. альм. Вып. 3: История Южного Урала: экономика, образование, религия. Бирск, 2010. С. 50–82.

С. Взгляд на уездный город Бирск // ОГВ. 1846. № 4. С. 37–39.

С. Земледелие и садоводство в Оренбургской губернии // ОГВ. 1846. № 36. С. 428–430.

С.-ровъ И. Оренбург // ОГВ. 1850. № 33. 19 авг. С. 161.

Свице Я. С. Семья Ребелинских // Река времени. 2013: Уникальные свидетельства прошлого : [сб. ст.]. Уфа, 2013. С. 77–86.

Созина Е. К. Романтическая поэма в творчестве оренбургского поэта П. М. Кудряшева // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов. Екатеринбург, 2010. С. 162–163.

Сосфенов И. Топографические и статистические записки, веденные во время проезда из Уфы в города Стерлитамак и Белебей // ОГВ. 1846. № 39. С. 468–474.

Столпянский П. Н. Официальная и официозная пресса в Оренбургском крае // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Тип. Н. Г. Волкова, 1903. Вып. XII. Т. XII. С. 1–63. URL: <http://elibrary.orenlib.ru/index.php?dn=down&catid=27&to=open&id=1248> (дата обращения: 25.07.2016).

Сунгуров. Оренбург // ОГВ. 1850. № 47. 25 нояб. С. 240.

Суталак-Бельский. Чесное (из Маяка) // ОГВ. 1845. № 44. 3 нояб. С. 527–528.

Уфа. Театральная хроника // ОГВ. 1848. № 39. С. 262–263.

Янушкевич. Современный взгляд на уездный город Троицк // ОГВ. 1846. № 15/16. С. 223–224.

Ястребов М. Н. Об открытии нового торгового пути для сношений с Китаем // ОГВ. 1850. № 45. 11 нояб. С. 225–229.

Ястребов М. Н. Переезд от Троицка до Челябин. (Из письма к баронессе Ю. О. Штакельберг) // ОГВ. 1850. № 44. С. 223–224.

Ястребов М. Н. Сказка о счастии // ОГВ. 1850. № 48. С. 243–245.

Ястребов М. Н. Троицк // ОГВ. 1850. № 29. С. 143.